

Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях

Бердичевский А.А.

Клинический центр COVID-19 ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова,

г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5709-9772>, e-mail: berdichevsky.alexey@gmail.com

Падун М.А.

Институт психологии российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),

г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Гагарина М.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(ФГБОУ ВО Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Архипова М.В.

Центр системно-комплексного лечения зависимостей,

г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0291-6023>, e-mail: marishko@list.ru

---

В статье представлены данные исследования специфики процессов регуляции эмоций у женщин, состоящих в отношениях с потребителями психоактивных веществ (ПАВ), а также приводятся дополнительные результаты адаптации Шкалы созависимости Спенн–Фишер. Основную выборку исследования составили 154 женщины в возрасте от 24 до 60 лет ($M=46,18$, $SD=8,72$), проживающих совместно с людьми, употребляющими ПАВ. Шкала созависимости Спенн–Фишер показала высокие показатели надежности (α Кронбаха — 0,82). Теоретическая модель созависимости Спенн–Фишер была подтверждена эмпирически и показала хорошие индексы соответствия эмпирическим данным: $CMIN=79,4$, $df=62$; $CMIN/df=1,28$; $p=0,067$; $AGFI=0,956$; $RMSEA=0,026$; $SRMR=0,034$. Проверка конструктивной валидности показала более высокие показатели созависимости в выборке женщин, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ, по сравнению с выборкой студентов ($t=-5,59$ при $p<0,001$). Специфика влияния процессов регуляции эмоций на степень выраженности созависимости представлена в структурной модели. Показано, что степень созависимости людей, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ, зависит от их способности к эффективной регуляции эмоций. Преувеличение вероятности плохого исхода ситуации (катастрофизация) и склонность к мыслительной фиксации на негативных событиях и собственных чувствах (руминации) усиливают выраженность состояния созависимости. Стратегия позитивной перефокусировки, а также способность пересмотреть отношение к ситуации способствуют профилактике созависимости.

Ключевые слова: созависимость, созависимые отношения, регуляция эмоций, модифицированная Шкала созависимости Спенн–Фишер, валидизация.

Финансирование. Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2021-0005.

Для цитаты: Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А., Архипова М.В. Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 185–204. DOI: 10.17759/crpe.2021100409

Emotional Regulation in Individuals, Standing in Codependent Relationship

Alexey A. Berdichevsky

*COVID-19 Clinical Center of the Moscow State University of Medicine and Dentistry
n.a. Evdokimov, Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5709-9772>, e-mail: berdichevsky.alexey@gmail.com

Maria A. Padun

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Maria A. Gagarina

Financial University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Marina V. Arkhipova

Center for System-Integrated Treatment of Addictions, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0291-6023>, e-mail: marishko@list.ru

---

The article presents the research of the emotion regulation in women standing in relationships with addicted partners. It also provides additional results of adaptation of the "Spann–Fischer Codependency Scale" (SF CDS). The sample of the study consisted of women living together with addicted individuals (N=154) aged from 24 to 60 years (M=46,18, SD=8,72). SF CDS showed high reliability indicators. Spenn–Fisher's theoretical model of codependency has been empirically validated CMIN=79,4, df=62; CMIN/df=1,28; p=0,067; AGFI=0,956; RMSEA=0,026; SRMR=0,034. Construct validity tests showed higher rates of codependency in the sample of women who are in relationships with addicts compared to the sample of students. Structural model of the influence of emotion regulation on the severity of codependency is presented. It is shown that the degree of codependency depends on the ability to regulate emotions sufficiently. The exaggeration of the likelihood of a bad outcome of the situation ("catastrophization") and the tendency to mentally fixate on negative events and one's own feelings ("rumination") increase the

severity of the state of codependency. The strategy of positive refocusing, as well as the ability to reappraise the meaning of the situation, contribute to the prevention of codependency.

Keywords: codependency, codependent relationships, emotion regulation, modified Spenn–Fisher codependency scale, validation.

Funding. The study was carried out in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0138-2021-0005.

For citation: Berdichevsky A.A., Padun M.A., Gagarina M.A., Arkhipova M.V. Emotional Regulation in Individuals, Standing in Codependent Relationship. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiii=Clinical Psychology and Special Education*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 185–204. DOI: 10.17759/cpse.2021100409 (In Russ.)

Введение

По данным на 2020 год в России общая заболеваемость наркологическими расстройствами составила 1293,4 на 100 тысяч населения [6]. Зависимость оказывает пагубное воздействие не только на самого зависимого индивида, но и на его близких, которые переживают хронический стресс. Соответственно, людей, подверженных хроническому стрессу из-за отношений с потребителями психоактивных веществ (ПАВ), гораздо больше, и это является серьезной социальной проблемой. По данным исследований, женщины сильнее страдают от последствий подобных отношений, чем мужчины [2; 22; 28], и чаще обращаются за помощью в группы поддержки, что определяет частотное преобладание исследований в этой области, проведенных преимущественно на женской популяции.

Для определения близких отношений, один из участников которых страдает от зависимости, возник термин «созависимость». Существует много подходов к изучению этого явления. Созависимость рассматривается как поведение [1; 21], личностная характеристика [1; 8; 14], проблема отношений [12; 18], психическое состояние [5; 9; 17; 22; 31; 32], жизненный сценарий [24]. Многообразие подходов вносит некоторую размытость в его понимание [7]. В целом исследователи выделяют разные аспекты созависимости, а четкое определение этого концепта практически отсутствует. Вместе с тем отношения людей, в которых один партнер страдает зависимостью от ПАВ, имеют ряд специфических особенностей, и другого понятия для их обозначения на данный момент не существует. Исходя из этого необходимо использовать наиболее четкое и обоснованное определение этого явления.

На наш взгляд, определение созависимости Л. Спенн и Дж. Фишер обобщает все значимые аспекты созависимости [22]. Авторы определяют созависимость как психосоциальное состояние, проявляющееся через неблагополучную модель поведения, которая характеризуется: 1) ярко выраженной ориентацией на внешнее, 2) отсутствием открытого выражения чувств и 3) попытками получить чувство собственной значимости через отношения. Это определение обозначает созависимость как состояние; включает в себя психологические характеристики людей, склонных к созависимости; позволяет рассматривать созависимость

как проблему отношений двух субъектов; описывает особенности поведения созависимых людей; объясняет способность человека к нормальному и патологическому функционированию в отношениях.

Сложность в операционализации созависимости связана также с ее измерением. Для определения степени выраженности созависимости на сегодняшний день в российской науке применяется не так много методик. Наиболее научно обоснованным является «Профиль созависимости», адаптированный Н.Г. Артемцевой [1]. Однако, во-первых, конструкт созависимости, лежащий в его основе, определяет созависимость в широком диапазоне проявлений, свойственном «98% взрослого населения» [1, с. 58]. Во-вторых, опросник опирается на профиль личности, который включает в себя набор из 33 характеристик созависимости, не объединенных теоретической моделью. В-третьих, эти характеристики являются, по замыслу авторов оригинальной методики, лишь «признаком созависимости» [1, с. 58] и могут быть также характерны для лиц с другими видами психопатологии. Другие популярные на сегодняшний день методики, используемые с целью определения созависимости в России, являются переводными аналогами зарубежных тестов, не адаптированных на российских выборках (например, Методика изучения созависимости Б. и Дж. Уайнхоллд [14]).

Попытка нашей адаптации в 2019 г. Шкалы созависимости Л. Спенн и Дж. Фишер (The Spann–Fischer Codependency Scale, SF CDS [22]) показала хорошие результаты [2]. Характеристики поведения людей, склонных к созависимости, выделенные авторами методики (получение собственной значимости через отношения, подавление эмоций и ориентация на внешнее), наиболее верно отражают суть созависимости по сравнению с другими методиками. Например, конструкт, лежащий в основе The Codependency Assessment Tool [28], охватывает 5 характеристик созависимости (внимание к другим / пренебрежение собой, низкая самооценка, сокрытие себя, медицинские проблемы и проблемы в родительской семье) и включает не только психологические характеристики, но и соматические, что может создавать излишнюю спутанность в понимании сути явления. Другой популярный за рубежом инструмент – The Composite Codependency Scale [30] – измеряет такие личностные черты созависимых людей, как самопожертвование, межличностный контроль и подавление эмоций, однако игнорирует важную особенность созависимых субъектов, проявляющуюся в компенсации низкой самооценки путем поддержания крайне деструктивных отношений [8]. Также преимуществом Шкалы созависимости Спенн–Фишер является малое количество вопросов, что важно для экспресс-диагностики. В зарубежной психологии существует и более краткий опросник – The Holyoake Codependency Index [22], содержащий всего лишь 13 пунктов, но конструкты, лежащие в его основе (внешний фокус, самопожертвование и реактивность), не отражают склонность созависимых людей к подавлению эмоций.

По данным исследований, склонность к созависимости часто связана с различными эмоциональными нарушениями. Люди, страдающие созависимостью, подвержены депрессии [19; 22; 27]. Тревога и гнев – другие эмоциональные проблемы, часто связанные с созависимостью [21]. П. Ролинг определяет созависимость как деструктивную копинг-стратегию, свойственную женщинам, выросшим в травмирующей обстановке [33]. Таким образом, при анализе

склонности к созависимости на первый план выходит важность исследования регуляторных функций субъекта. Учитывая связь созависимости с ранней травматизацией и эмоциональными нарушениями, актуально понимание дисфункциональных стратегий регуляции эмоций, которые, вероятно, являются предиктором созависимости. Под *регуляцией эмоций* понимается комплекс осознаваемых и неосознаваемых психических процессов, усиливающих, ослабляющих либо удерживающих на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций и эмоциональных состояний человека [10]. Регуляция эмоций является системным процессом, включающим в себя нейробиологические, индивидуально-психические, личностные, межличностные, а также социокультурные механизмы [11].

В регуляции эмоций выделяются условно продуктивные, деструктивные и зависящие от контекста стратегии регуляции эмоций [11], однако их эффективность опосредована различными факторами. К условно продуктивным относится когнитивная переоценка, к условно деструктивным — руминации, избегание и подавление, а стратегии отвлечения, экспрессии эмоций и принятия сильно зависят от контекста их применения, типа привязанности и культурных особенностей индивидов. Соответственно, продуктивность этих стратегий может варьироваться [11]. К примеру, когнитивная переоценка в ситуациях, требующих активных действий, не способствует преобразованию ситуаций [26]. Подавление эмоциональной экспрессии по-разному влияет на психологическое благополучие людей в разных культурах. Например, в индивидуалистических культурах подавление эмоций положительно коррелирует с негативным аффектом, а отрицательно — с показателями психологического благополучия и позитивного аффекта [25]. В коллективистских культурах подавление эмоций поддерживает положительное социальное взаимодействие, являясь адаптивной стратегией регуляции эмоций [11].

Таким образом, **целью** данной работы является изучение влияния специфики регуляции эмоций на выраженность созависимости в отношениях с близким человеком, зависимым от ПАВ. К **задачам** исследования относятся: 1) завершение адаптации модифицированной Шкалы созависимости Спенн–Фишер; 2) определение влияния регуляции эмоций на степень выраженности созависимости.

Гипотеза исследования состояла в том, что степень созависимости лиц, находящихся в близких отношениях с зависимым от ПАВ человеком, зависит от их способности к эффективной регуляции эмоций.

Методы

Выборка и процедура исследования. В соответствии с задачами исследование проводилось в два этапа:

- 1) завершение адаптации методики;
- 2) определение влияния регуляции эмоций на созависимость.

На *первом этапе* для завершения адаптации методики (проверка надежности, конструктивной валидности и факторной структуры опросника) была выделена *общая*

выборка. Ее составили 437 респондентов (100 мужчин и 330 женщин) – студентов, а также людей, проживающих совместно с потребителями ПАВ, в возрасте от 18 до 65 лет ($M=32,51$ лет, $SD=14,55$ лет).

Студенческую группу составили студенты ($n=227$) Московского медицинского института «Реавиз» и Финансового университета при Правительстве РФ в возрасте от 18 до 27 лет ($M=19,9$ лет, $SD=1,1$ год), из них 137 девушек, 83 юноши, 7 человек не указали пол. Результаты адаптации методики на студенческой выборке описаны в предыдущей статье [2]. Группу респондентов ($n=210$), *находящихся в отношениях с потребителями ПАВ*, составили 16 мужчин и 193 женщины в возрасте от 18 до 65 лет ($M=45,53$ лет, $SD=9,77$ лет).

На *втором этапе* для проведения основного исследования из числа респондентов были исключены студенты, люди, не проживающие с потребителями ПАВ на одной территории, лица мужского пола (т.к. их количество было слишком мало), респонденты старше 60 лет (по причине влияния возрастных особенностей на основные показатели), а также психологи и ведущие групп поддержки (ввиду специфики их деятельности). Таким образом, *основную выборку второго этапа* исследования составили 154 женщины в возрасте от 24 до 60 лет ($M=46,07$ лет, $SD=8,8$ лет), находящиеся в отношениях с потребителями ПАВ и/или совместно проживающие с людьми, употребляющим ПАВ, среди которых: 63% – мужья, 28% – сыновья, 3% – дочери, 3% – отцы, 2% – братья, 1% – свои родители либо родители супруга.

Участницы исследования получали помощь для родственников, употребляющих ПАВ, при реабилитационных центрах «Неугасимая Надежда», «Уника» и «Реабилитация Live»; в сообществах самопомощи Ал-Анон, Нар-Анон, православных группах поддержки; Межрегиональном общественном движении в поддержку семейных клубов трезвости и Замоскворецком обществе трезвости. Также в исследовании принимали участие люди, зарегистрированные в социальной сети «ВКонтакте», откликнувшиеся на объявление.

Методики заполнялись как очно ($n=61$), так и онлайн ($n=93$). Группы «очно» и «онлайн» имели значимые различия по возрасту («очно» – $M=48,75$ лет; «онлайн» – $M=44,32$ года; $t=3,14$; $p=0,002$), а также по возрасту зависимого партнера («очно» – $M=36,62$ лет; «онлайн» – $M=43,91$ года; $t=-3,76$; $p<0,001$). Значимых различий между выборками в показателях степени созависимости не обнаружено, поэтому было принято решение объединить группы для дальнейшего исследования.

Методики

1. *Модифицированная шкала созависимости Спенн–Фишер (ШСЗ СФ)* [2] включает одну шкалу и определяет степень выраженности созависимости. Методика состоит из 14 утверждений, оцениваемых по шестибалльной шкале Лайкерта, где 1 – «полностью не согласен», а 6 – «полностью согласен»;

2. *Опросник когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ)* [13] оценивает степень выраженности девяти когнитивных стратегий регуляции эмоций и состоит из 9 субшкал: Самообвинение, Принятие, Руминации, Позитивная перефокусировка,

Фокусирование на планировании, Позитивная переоценка, Рассмотрение в перспективе, Катастрофизация и Обвинение других. Методика включает 36 утверждений (по 4 пункта на каждую шкалу), оцениваемых по четырехбалльной шкале. В основе методики лежит модель когнитивной регуляции эмоций Н. Гарневски и В. Крайга.

3. *Опросник регуляции эмоций (ОРЭ)* Дж. Гросса [4] оценивает степень выраженности двух стратегий регуляции эмоций: Когнитивной переоценки (когнитивные усилия по изменению точки зрения на ситуацию) и Подавления (торможение экспрессии эмоционального переживания). Методика состоит из 10 утверждений, оцениваемых респондентов по семибалльной шкале (1 – «абсолютно не согласен», 7 – «абсолютно согласен»).

Показатели надежности всех методик в текущем исследовании представлены в табл. 2. В работе использовались следующие методы обработки данных: проверка надежности (α Кронбаха), сравнение средних значений (t-критерий Стьюдента), корреляционный анализ (r Пирсона), эксплораторный (метод главных компонент) и конфирматорный (метод максимального правдоподобия) факторный анализ, структурное моделирование. Обработка данных проводилась при помощи IBM SPSS Statistics v. 22 и Amos v. 22.

Результаты исследования

Завершение адаптации Модифицированной шкалы созависимости Спенн-Фишер. Повторная проверка надежности методики ШСЗ СФ (N=437) путем объединения выборки студентов, участвовавших в апробации методики и группы лиц, находящихся в отношениях с человеком, страдающим от употребления ПАВ, показала повышение согласованности (α Кронбаха) пунктов опросника с 0,78 [2] до 0,82. Для основной выборки исследования (N=154) надежность ШСЗ СФ составила 0,81.

При проверке конструктивной валидности методики были обнаружены значимые различия в показателях степени выраженности созависимости группы студенток и женщин, находящихся в отношениях с лицами, употребляющими ПАВ (t-value=-5,59 при $p<0,001$). Лица женского пола, проживающие совместно с зависимыми от ПАВ, имели более высокие показатели созависимости. Были получены значимые различия в степени выраженности созависимости между респондентами, посещающими и не посещающими группы поддержки (t=-2,5 при $p=0,013$). Полученные данные соответствуют результатам исследования авторов методики [22].

С целью эмпирического подтверждения теоретической модели созависимости Спенн-Фишер были проведены эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. Данные эксплораторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс с нормализацией Кайзера) позволили выделить 4 фактора, объясняющих 55,2% дисперсии: Дефицитарность Я (F1), Завышенная значимость отношений (F2), Подавление эмоций (F3) и Избегание конфликтов (F4). Результаты эксплораторного анализа хорошо соотносятся с теоретическим конструктом. Чрезмерная ориентация на внешнее в модели Дж. Спенн и Л. Фишер соответствует фактору Дефицитарность Я (недостаточность Эго в исполнении вверенных ему функций) [21]. Отсутствие

открытого проявления чувств в нашей модели разделилось на два фактора — Подавление эмоций и Избегание конфликтов. Попытки получить чувство собственной значимости через отношения описываются через фактор Завышенной значимости отношений. Данные эксплораторного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Эксплораторный факторный анализ
 Модифицированной шкалы созависимости Спенн–Фишер**

№	Название фактора / формулировка пункта	Нагрузка	Доля объясненной дисперсии
F1	Дефицитарность Я		0,170
1	Мне трудно принимать решения	0,565	0,536
3	Мне трудно принимать комплименты	0,763	0,613
4	Иногда я чувствую что-то вроде скуки или пустоты, если у меня нет проблем, которые нужно решать	0,438	0,429
5	Когда я делаю что-то приятное для себя, я обычно чувствую вину	0,755	0,608
13	Я часто испытываю чувство страха и обреченности	0,428	0,494
14	Я часто ставлю потребности других выше своих собственных	0,412	0,442
F2	Завышенная значимость отношений		0,145
6	Я говорю себе, что все изменится к лучшему, когда окружающие меня люди будут вести себя по-другому	0,779	0,620
7	Мне кажется, что в отношениях я всегда есть для других, но другие редко готовы быть для меня	0,617	0,530
8	Иногда я сосредотачиваюсь на одном человеке в ущерб другим отношениям и обязанностям	0,429	0,562
9	Кажется, я вовлекаюсь в отношения, которые болезненны для меня	0,503	0,611
F3	Подавление эмоций		0,142
10	Я обычно не показываю другим, какой я на самом деле	0,574	0,377
11	Когда кто-либо расстраивает меня, я долго сдерживаюсь, но в какой-то момент взрываюсь	0,691	0,571
F4	Избегание конфликтов		0,095
2	Мне трудно сказать «нет»	0,539	0,597
12	Я пойду на все, чтобы избежать открытого конфликта	0,854	0,740

Соответствие эмпирической структуры ШСЗ СФ его теоретической основе проверялось с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) методом максимального правдоподобия. Изначально структурная модель была построена так, что латентные переменные были равноправны и объединены созависимостью. Однако данная модель оказалась математически некорректной. В частности, дисперсия ошибки фактора Дефицитарности Я оказалась отрицательной, а нормализованный коэффициент регрессии был больше единицы. В связи с теоретическими представлениями о созависимости было выдвинуто альтернативное предположение о том, что Дефицитарность Я является основным фактором созависимости, а факторы Избегание конфликтов, Подавление эмоций и Завышенная значимость отношений действуют опосредовано через Дефицитарность Я. Связь между ошибками факторов Завышенная значимость отношений и Подавление эмоций была введена в модель с целью отразить тот факт, что ориентация на отношения и склонность к подавлению эмоций могут объясняться не дефицитами Я, а другими факторами (в частности, высокой социальной желательностью, принятыми в культуре нормами и ценностями). Результаты КФА данной модели представлены на рис. 1.

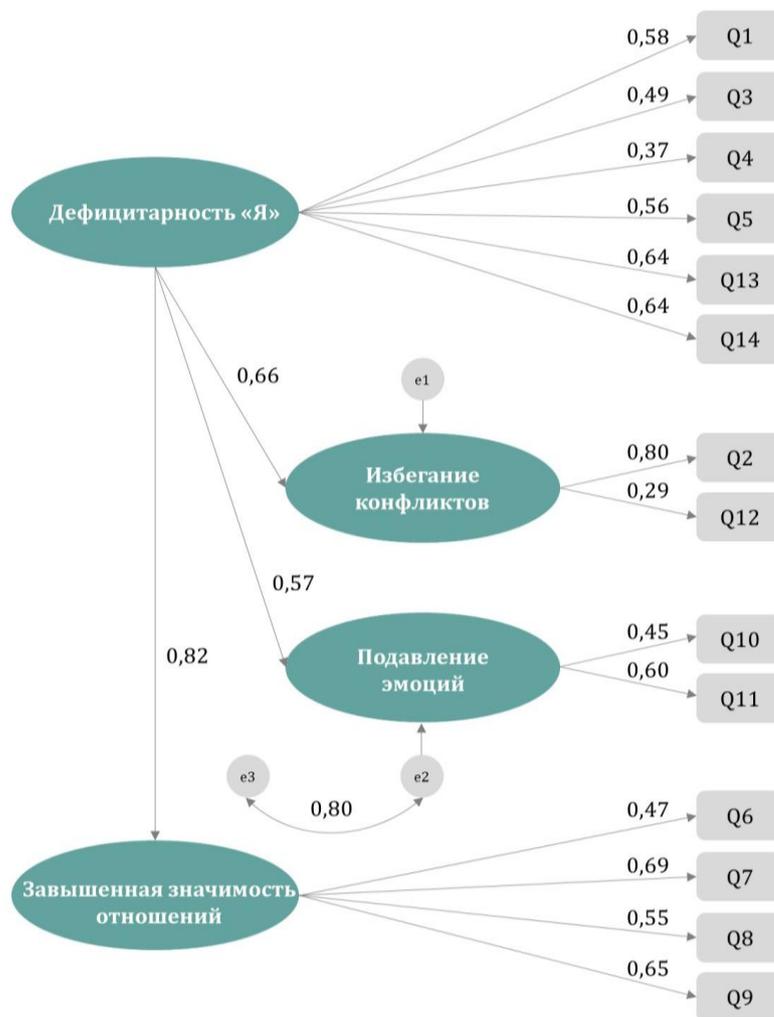

Рис. 1. Конфирматорный факторный анализ Модифицированной шкалы созависимости Спенн-Фишер

Полученная модель полностью соответствует выдвинутой гипотезе и данным эксплораторного факторного анализа, а также имеет удовлетворительные индексы соответствия (в скобках указаны конвенциональные индексы соответствия модели эмпирическим данным): CMIN=79,4. df=62; CMIN/df=1,28 (<2); p=0,067 (>0,05); AGFI=0,956 (>0,95); RMSEA=0,026 (<0,05); SRMR=0,034 (<0,05). Фактор, получивший название «Дефицитарность Я», объединил в себе 6 индикаторов и опосредованно проявляется через факторы Избегание конфликтов, Подавление эмоций и Завышенная значимость отношений. Основываясь на полученных результатах, можно сказать, что основой созависимых состояний является дефицитарность Я, которая ведет к избеганию конфликтов, подавлению эмоций и завышенной значимости отношений с другими.

Учитывая тот факт, что изначально авторами оригинальной методики не предполагалось деление на субшкалы, а также то, что методика носит экспресс-характер, в ней не предполагается выделение субшкал. Тем более что обозначенные факторы (Подавление эмоций, Избегание конфликтов, Завышенная значимость отношений) могут быть измерены по отдельности уже существующими методиками. Таким образом, факторная структура была получена для эмпирической проверки теоретической модели созависимости.

Регуляция эмоций как предиктор созависимости. Перед началом исследования влияния регуляции эмоций на степень созависимости была проведена проверка надежности шкал используемых методик (табл. 2). В связи с низкой надежностью из дальнейшего анализа была исключена шкала Принятия методики ОКРЭ.

Таблица 2

**Показатели надежности Опросника когнитивной регуляции эмоций,
Опросника регуляции эмоций и Модифицированной шкалы созависимости
Спенн–Фишер на основной выборке (N=154)**

	α Кронбаха
Самообвинение	0,7
Принятие	0,55
Руминации	0,65
Позитивная перефокусировка	0,83
Фокусирование на планировании	0,6
Позитивная переоценка	0,79
Рассмотрение в перспективе	0,78
Катастрофизация	0,75
Обвинение других	0,72
Когнитивная переоценка	0,85
Подавление	0,76
ШСЗ СФ	0,81

Для исследования соотношения стратегий регуляции эмоций и степени выраженности созависимости был проведен анализ корреляций между созависимостью и стратегиями регуляции эмоций (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции степени выраженности созависимости и стратегий регуляции эмоций у женщин, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ

	ШСЗ СФ
Самообвинение	0,22*
Руминации	0,34**
Позитивная перефокусировка	-0,37**
Фокусирование на планировании	-0,21
Позитивная переоценка	-0,28**
Рассмотрение в перспективе	-0,16
Катастрофизация	0,37**
Обвинение других	0,24*
Когнитивная переоценка	-0,30**
Подавление	0,07

Примечание. * – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,001$.

В структурную модель были включены стратегии регуляции эмоций, которые коррелируют с зависимой переменной – ШСЗ СФ – на уровне 0,3 и выше. Была получена структурная модель (CMIN=1,78; df=3; CMIN/df=0,59; $p=0,62$; AGFI=0,978; RMSEA=0,000; SRMR=0,015.), представленная на рис. 2. Показатели асимметрии (≤ 3) и эксцесса (≤ 7) по отдельным переменным не превышали допустимых значений; критический коэффициент эксцесса также находился в пределах нормы (≤ 5). Латентный фактор Адаптивные стратегии регуляции эмоций операционализировался такими стратегиями, как Позитивная перефокусировка и Когнитивная переоценка, и отрицательно влиял на степень выраженности созависимости. Деадаптивные стратегии регуляции эмоций операционализировались стратегиями Катастрофизация и Руминации, положительно влияя на степень выраженности созависимости. Между Адаптивными стратегиями регуляции эмоций и Деадаптивными стратегиями регуляции эмоций обнаружена отрицательная взаимосвязь.

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что степень созависимости людей, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ, зависит от их способности к эффективной регуляции эмоций. Способность к перефокусированию внимания (стратегия Позитивная перефокусировка) на альтернативные ценности, а также возможность пересмотреть отношение к ситуации способствуют профилактике созависимости. С другой стороны, преувеличение вероятности плохого исхода

ситуации (Катастрофизация) и склонность к мыслительной фиксации на негативных событиях и собственных чувствах (Руминации) усиливают выраженность состояния созависимости.

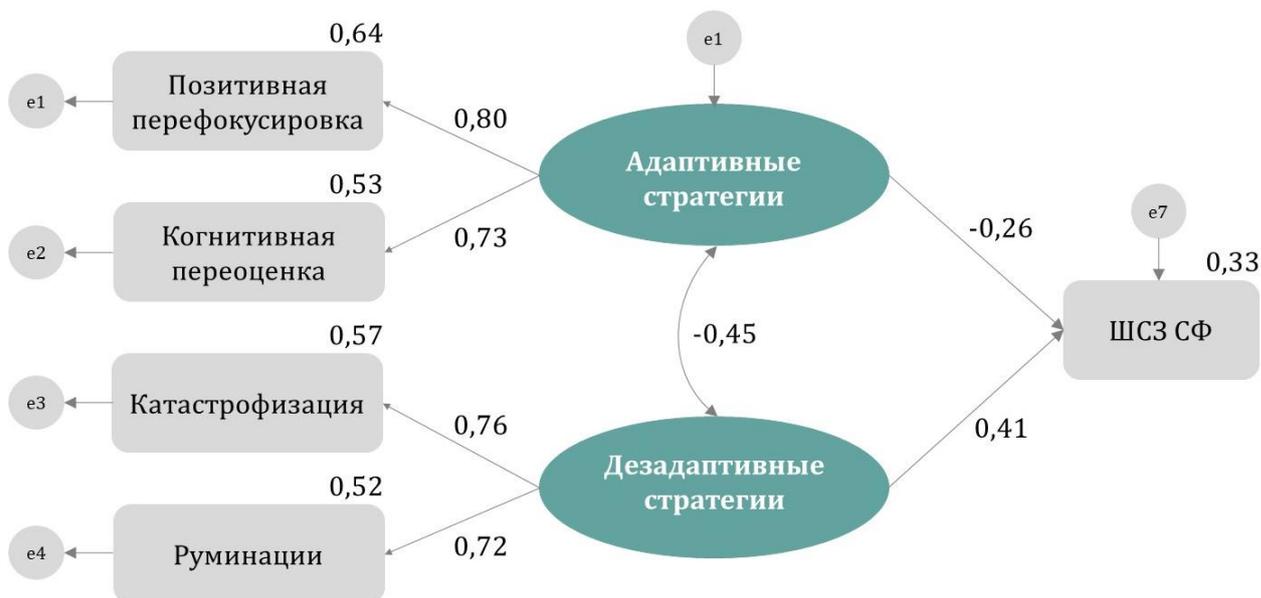

Рис. 2. Структурная модель созависимости и регуляции эмоций

Обсуждение результатов

Адаптация Модифицированной шкалы созависимости Спенн–Фишер показала высокие показатели надежности и структурной валидности. Факторный анализ позволил описать структуру конструкта созависимости, центральным звеном которой является дефицитарность Я, опосредованная факторами Подавление эмоций, Избегание конфликтов и Завышенная значимость отношений. Согласно современным представлениям, дефицитарность Я выражается в незрелости регуляторных механизмов, дезорганизации когнитивных и аффективных процессов, неспособности построения отношений и нарушении интегративных функций Эго [21]. Выявленные факторы отражают характеристики созависимости, принятые как в научной [1; 15; 22; 29], так и в практико-ориентированной литературе [3; 9].

Однако на сегодняшний день перспективным для адаптации ШСЗ СФ является проведение проверки инвариантности структурной модели в разных группах, а также проверки дивергентной валидности. Правомерность использования данного инструмента на мужской популяции также требует проведения дополнительных исследований по адаптации методики.

Подтвердились данные о том, что большая степень выраженности созависимости характерна для женщин, совместно проживающих с потребителями ПАВ, в отличие от респондентов случайно набранной выборки. Поскольку отношения с человеком, употребляющим ПАВ, имеют место в условиях высокой стрессовой нагрузки, связанной с агрессией, криминалом и прочими атрибутами

зависимости [3; 16], созависимость способствует сохранению отношений в условиях стресса ввиду их повышенной личной значимости.

Степень созависимости женщин, посещающих группы поддержки, оказалась ниже, чем тех, кто этой поддержкой не пользуется. Данный факт косвенно подтверждает конструктивную валидность методики, а также может свидетельствовать об эффективности этих программ в преодолении созависимости.

Деадаптивные стратегии регуляции эмоций у лиц, проживающих совместно с потребителями ПАВ, проявляясь в катастрофизации происходящего и постоянном размышлении об этом (руминациях), способствуют повышению уровня созависимости. Созависимым индивидам свойственны убеждения в враждебности окружающего мира и невозможности контроля [2], что, вероятно, отражает дефицит «Я» в реализации персональных целей и способности управлять трудностями. Также взаимосвязь деадаптивных стратегий регуляции эмоций с эмоциональными расстройствами [13] объясняет связь степени выраженности созависимости с тревожно-депрессивной симптоматикой [19–22; 27].

Однако вклад деадаптивных стратегий регуляции эмоций снижается за счет адаптивных стратегий: в частности, за счет способности к переоценке значимости ситуации (когнитивная переоценка), а также за счет переключения внимания на более приятные аспекты (позитивная перефокусировка). Позитивная перефокусировка отражает способность индивида к отвлечению в эмоционально сложной ситуации. Сниженная способность созависимых людей к отвлечению, с одной стороны, отражает дефицит когнитивных ресурсов («застревание» на эмоционально значимых стимулах), с другой — недостаток персональных ценностей, которые имеют субъективную значимость. Это фиксирует склонных к созависимости лиц на отношениях и связанных с ними эмоциях.

Таким образом, созависимость обусловлена нарушением основных функций Эго, что, в частности, выражается в незрелой регуляции эмоций. С практической точки зрения, результаты исследования позволяют создавать эффективные программы помощи женщинам, склонным к созависимости, основными задачами которых будут являться укрепление Эго-функций (когнитивных, аффективных, регуляторных, защитных, интегративных, коммуникативных) и развитие навыков эффективной регуляции эмоций.

Для будущих исследований перспективным является анализ особенностей регуляции эмоций у людей, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ, в условиях активного употребления партнером ПАВ и в периоды его ремиссий.

Ограничением исследования являются то, что данные получены на женской выборке, что обусловлено малой доступностью для научной работы мужчин, проживающих с потребителями ПАВ.

Выводы

В факторной структуре Модифицированной шкалы созависимости Спенн-Фишер выделено центральное звено созависимости — Дефицитарность Я,

посредством которого объясняются другие факторы: Подавление эмоций, Избегание конфликтов и Завышенная значимость отношений.

Степень выраженности созависимости женщин, находящихся в отношениях с потребителями ПАВ, зависит от их способности к эффективной регуляции эмоций. Более частое использование когнитивной переоценки и позитивной перефокусировки и менее частое использование катастрофизации и руминаций позволяют снизить созависимость при проживании с человеком, зависимым от ПАВ.

Литература

1. Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. К проблеме самоорганизации в биологии и психологии // Вестник новых медицинских технологий. 2016. Том 23. № 3. С. 174–181. DOI: 10.12737/21764 *Артемцева Н.Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 227 с.
2. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 215–234. DOI: 10.17759/psycljn.2019080113
3. Делеви В.С. Экзистенциальные аспекты формирования копинг-стратегий в процессе терапии зависимости от психоактивных веществ // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 6-2. С. 114–119.
4. Дорофеева И.Н., Падун М.А. Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 1. С. 118–125.
5. Каяшева О.И., Ефремова Д.Н. Личностная рефлексия как детерминанта стрессоустойчивости созависимых женщин // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2015. № 4. С. 14–19. DOI: 10.18384/2310-7235-2015-4-14-19.
6. Клименко Т.В. Качество оказания медицинской помощи в субъектах Российской Федерации (по результатам выездных мероприятий в субъекты Российской Федерации в 2020 г.) // Вопросы наркологии. 2021. Том 196. № 1. С. 20–82. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_01_20
7. Меринов А.В., Шустов Д.И., Федотов И.А. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2011. № 3. С. 136–140.
8. Морозова Г.В. Созависимость. Модель феномена и практика психокоррекции / Под ред. Г.В. Морозовой. Ульяновск: изд-во УлГПУ, 2012. 139 с.
9. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 352 с.
10. Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 39. С. 5. URL:

<http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1089-padun39.html> (дата обращения: 16.11.2021).

11. Падун М.А. Регуляция эмоций и психологическое благополучие: индивидуальные, межличностные и социокультурные факторы // Психологический журнал. 2019. Том. 40. № 3. С. 31–43. DOI: 10.31857/S020595920004052-3

12. Пестов М.Г. Эмоциональная зависимость: от диагностики к стратегиям преодоления. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2019. 176 с.

13. Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник психологии. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 161–179.

14. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Пер. с англ. А.Г. Чеславской. М.: Класс, 2015. 224 с.

15. Хазова С.А., Шипова Н.С. Эмоциональный интеллект как ресурс созависимых женщин // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации (22–23 октября 2020 г.). / Под ред. Т.Н. Банщиковой, Е.А. Фоминой, В.И. Моросановой. М.: Знание-М, 2020. С. 965–977. DOI: 10.38006/907345-50-8.2020.1.978

16. Чернобровкина Т.В. Созависимость — реактивное состояние или заболевание? Краткий анализ современных воззрений на феномен созависимости // Психическое здоровье. 2009. Том 7. № 4. С. 57–73.

17. Шорохова О.А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. СПб.: Речь, 2002. 136 с.

18. Anderson S.C. A critical analysis of the concept of codependency // Social Work. 1994. Vol. 39. № 6. P. 677–685.

19. Backe B., Bonck E.L., Riley M.L. Codependency and depression // Journal of Couples Therapy. 1994. Vol. 4. № 1-2. P. 105–127. DOI: 10.1300/J036v04n01_08

20. Berzoff J., Flanagan L.M., Hertz P. Inside out and outside in: Psychodynamic clinical theory and psychopathology in contemporary multicultural contexts. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 472 p.

21. Bynum D., Boss B.J., Schoenhofer S. The development and testing of the Codependency-Overeating Model in undergraduate social science students in a Mississippi College // SAGE Open. 2012. Vol. 2. № 4. P. 1–9. DOI: 10.1177/2158244012465763

22. Fischer J., Spann L., Crawford D. Measuring codependency // Alcoholism Treatment Quarterly. 1991. Vol. 8. № 1. P. 87–99. DOI: 10.1300/J020V08N01_06

23. Dear G.E., Roberts C.M. The Holyoake Codependency Index: Investigation of the factor structure and psychometric properties // Psychological Reports. 2000. Vol. 87. № 3. P. 991–1002. DOI: 10.2466/pr0.2000.87.3.991

24. Gayol G.N. Codependence: A transgenerational script // *Transactional Analysis Journal*. 2012. Vol. 34. № 4. P. 312–322. DOI: 10.1177/036215370403400404
25. Gross J.J. Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. P. 224–237. DOI: 10.1037//0022-3514.74.1.224
26. Gross J.J. Emotion regulation: Current status and future prospects // *Psychological Inquiry*. 2015. Vol. 26. № 1. P. 1–26. DOI: 10.1080/1047840X.2014.940781
27. Hughes-Hammer C., Martsolf D.S., Zeller R.A. Depression and codependency in women // *Archives of Psychiatric Nursing*. 1998. Vol. 12. № 6. P. 326–334. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80046-0
28. Hughes-Hammer C., Martsolf D.S., Zeller R.A. Development and testing of the Codependency Assessment Tool // *Archives of Psychiatric Nursing*. 1998. Vol. 12. № 5. P. 264–272. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80036-8
29. Lampis J., Cataudella S., Busonera A. et al. The role of differentiation of self and dyadic adjustment in predicting codependency // *Contemporary Family Therapy*. 2017. Vol. 39. № 1. P. 62–72. DOI: 10.1007/s10591-017-9403-4
30. Marks A. D.G., Blore R.L., Hine D.W. et al. Development and validation of a revised measure of codependency // *Australian Journal of Psychology*. 2012. Vol. 64. № 3. P. 119–127. DOI: 10.1111/j.1742-9536.2011.00034.x
31. Milushyna M. Foreign studies of the codependency phenomenon // *Humanities and Social Sciences HSS*. 2015. Vol. 20. № 22 (2). P. 51–61. DOI: 10.7862/rz.2015.hss.19
32. Raklova Y. Correction of the codependent behavior: Propose a psychological program // *Universal Journal of Psychology*. 2019. Vol. 7. № 2. P. 29–37. DOI: 10.13189/ujp.2019.070201
33. Roehling P.V., Koelbel N., Rutgers C. Codependence and conduct disorder: Feminine versus masculine coping responses to abusive parenting practices // *Sex Roles*. 1996. Vol. 35. № 9–10. P. 603–618. DOI: 10.1007/BF01548255

References

1. Artemceva N.G. Fenomen sozavisimosti: obwee, tipologicheskoe, individual'noe [The phenomenon of codependency: General, typological, individual]. Moscow: publ. of IP RAS, 2017. 227 p. (In Russ.)
2. Berdichevskii A.A., Padun M.A., Gagarina M.A. Aprobatsiya modifitsirovannoi versii metodiki «Shkala sozavisimosti Spenn-Fisher» [Approbation of a modified version of the Spenn-Fisher Codependency Scale]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya=Clinical Psychology and Special Education*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 215–234. URL: https://psyjournals.ru/files/98492/Berdichevsky_et_al.pdf (Accessed: 16.11.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

3. Delevi V.S. Ekzistentsial'nye aspekty formirovaniya koping-strategii v protsesse terapii zavisimosti ot psikhoaktivnykh veshchestv [Existential aspects of the formation of coping strategies in the process of therapy of addiction to psychoactive substances]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN=Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2008, no. 6-2, pp. 114–119. (In Russ.).

4. Dorofeeva I.N., Padun M.A. Osobennosti samoregulyatsii i profil' lateral'noi organizatsii mozga [Features of self-regulation and profile of the lateral organization of the brain]. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 2012, vol. 33, no. 1, pp. 118–125. (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Kayasheva O.I., Efremova D.N. Lichnostnaya refleksiya kak determinanta stressoustoichivosti sozavisimykh zhenshchin [Personal Reflection as a Determinant of Stress Resistance in Codependent Women]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskie nauki=MGOU Bulletin. Series: Psychological Sciences*, 2015, no. 4, pp. 14–19. DOI: 10.18384/2310-7235-2015-4-14-19. (In Russ., Abstr. in Engl.).

6. Klimenko T.V. Kachestvo okazaniya meditsinskoi pomoshchi v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam vyezdneykh meropriyatii v sub"ekty Rossiiskoi Federatsii v 2020 g.) [The quality of medical care in the constituent entities of the Russian Federation (based on the results of field events in the constituent entities of the Russian Federation in 2020)]. *Voprosy narkologii=Addiction Issues*, 2021, vol. 196, no. 1, pp. 20–82. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_01_20. (In Russ., Abstr. in Engl.).

7. Merinov A.V., Shustov D.I., Fedotov I.A. Sovremennye vzglyady na fenomen sozavisimogo povedeniya pri alkogol'noi zavisimosti (obzor literaturnykh dannykh) [Modern views on the phenomenon of codependent behavior in alcohol dependence (review of the literature)]. *Rossiiskii mediko-biologicheskii vestnik imeni akademika=Russian Medical and Biological Bulletin Named After Academician I.P. Pavlova*, 2011, no. 3, pp. 136–140. (In Russ., Abstr. in Engl.).

8. Morozova G.V. Sozavisimost'. Model' fenomena i praktika psikhokorreksii [Model of the phenomenon and practice of psychocorrection] / In G.V. Morozova (ed.). Ul'yanovsk: Publ. of USPU 2012. 139 p. (In Russ.).

9. Moskalenko V.D. Zavisimost': semejnaja bolezni' [Addiction: a family disease]. 7th ed. Moscow: Institute of consulting and system solutions, 2014. 352 p.

10. Padun M.A. Regulyatsiya emotsii i ee narusheniya [Regulation of emotions and its disturbances]. *Psikhologicheskie issledovaniya=Psychological Research*, 2015, vol. 8, no. 39, pp. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1089-padun39.html> (Accessed: 16.11.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

11. Padun M.A. Regulyatsiya emotsii i psikhologicheskoe blagopoluchie: individual'nye, mezhlichnostnye i sotsiokul'turnye factory [Emotion regulation and psychological well-being: individual, interpersonal and sociocultural factors]. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 2019, vol. 40, no. 3, pp. 31–43. DOI: 10.31857/S020595920004052-3. (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Pestov M.G. Emotsional'naya zavisimost': ot diagnostiki k srategiyam preodoleniya [Emotional addiction: from diagnostics to coping strategies]. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Dobrosvet, 2019. 176 p. (In Russ.)
13. Rasskazova E.I., Leonova A.B., Pluzhnikov I.V. Razrabotka russkoyazychnoi versii oprosnika kognitivnoi regulyatsii emotsii [Development of the Russian-language version of the questionnaire of cognitive regulation of emotions]. *Vestnik psikhologii=Psychology Bulletin*, 2011, vol. 14, no. 4, pp. 161–179. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Uainkhold B., Uainkhold D. Osvobozhdenie ot sozavisimosti [Liberation from codependency]. Moscow: Klass, 2015. 224 p. (In Russ.)
15. Khazova S.A., Shipova N.S. Emotsional'nyi intellekt kak resurs sozavisimykh zhenshchin [Emotional intelligence as a resource for codependent women]. In T.N. Banshchikova, E.A. Fomina, V.I. Morosanova (eds.), *Lichnostnye i regulyatornye resursy dostizheniya obrazovatel'nykh i professional'nykh tselei v epokhu tsifrovizatsii=Personal and Regulatory Resources for Achieving Educational and Professional Goals in the Era of Digitalization*. Moscow: Znanie-M, 2020, pp. 965–977. DOI: 10.38006/907345-50-8.2020.1.978. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Chernobrovkina T.V. Sozavisimost' — reaktivnoe sostoyanie ili zabolevanie? Kratkii analiz sovremennykh vozzrenii na fenomen sozavisimosti [Is Codependency Reactive or Disease? A Brief Analysis of Modern Views on the Phenomenon of Codependency]. *Psikhicheskoe zdorov'e=Mental Health*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 57–73.
17. Shorokhova O.A. Zhiznennye lovushki zavisimosti i sozavisimosti [Life traps of addiction and codependency]. Saint-Petersburg: Rech', 2002. 136 p. (In Russ.)
18. Anderson S.C. A critical analysis of the concept of codependency. *Social Work*, 1994, vol. 39, no. 6, pp. 677–685.
19. Backe B., Bonck E.L., Riley M.L. Codependency and depression. *Journal of Couples Therapy*, 1994, vol. 4, no. 1-2, pp. 105–127. DOI: 10.1300/J036v04n01_08
20. Berzoff J., Flanagan L.M., Hertz P. Inside out and outside in: Psychodynamic clinical theory and psychopathology in contemporary multicultural contexts. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 472 p.
21. Bynum D., Boss B.J., Schoenhofer S. The development and testing of the Codependency-Overeating Model in undergraduate social science students in a Mississippi College. *SAGE Open*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 1–9. DOI: 10.1177/2158244012465763
22. Dear G.E., Roberts C.M. The Holyoake Codependency Index: Investigation of the factor structure and psychometric properties. *Psychological Reports*, 2000, vol. 87, no. 3, pp. 991–1002. DOI: 10.2466/pr0.2000.87.3.991
23. Fischer J., Spann L., Crawford D. Measuring codependency. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 1991, vol. 8, no. 1, pp. 87–99. DOI: 10.1300/J020V08N01_06
24. Gayol G.N. Codependence: A transgenerational script. *Transactional Analysis Journal*, 2012, vol. 34, no. 4, pp. 312–322, DOI: 10.1177/036215370403400404

25. Gross J.J. Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 74, pp. 224–237. DOI: 10.1037//0022-3514.74.1.224

26. Gross J.J. Emotion regulation: Current status and future prospects. *Psychological Inquiry*, 2015, vol. 26, no 1, pp. 1–26. DOI: 10.1080/1047840X.2014.940781

27. Hughes-Hammer C., Martzolf D.S., Zeller R.A. Depression and codependency in women. *Archives of Psychiatric Nursing*, 1998, vol. 12, no. 6, pp. 326–334. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80046-0

28. Hughes-Hammer C., Martzolf D.S., Zeller R.A. Development and testing of the Codependency Assessment Tool. *Archives of Psychiatric Nursing*, 1998, vol. 12, no. 5, pp. 264–272. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80036-8

29. Lampis J., Cataudella S., Busonera A. et al. The role of differentiation of self and dyadic adjustment in predicting codependency. *Contemporary Family Therapy*, 2017, vol. 39, no. 1, pp. 62–72. DOI: 10.1007/s10591-017-9403-4

30. Marks A. D.G., Blore R.L., Hine D.W. et al. Development and validation of a revised measure of codependency. *Australian Journal of Psychology*, 2012, vol. 64, no. 3, pp. 119–127. DOI: 10.1111/j.1742-9536.2011.00034.x

31. Milushyna M. Foreign studies of the codependency phenomenon. *Humanities and Social Sciences HSS*, 2015, vol. 20, no. 22 (2), pp. 51–61. DOI: 10.7862/rz.2015.hss.19

32. Raklova Y. Correction of the codependent behavior: Propose a psychological program. *Universal Journal of Psychology*, 2019, vol. 7, no. 2, no. 29–37. DOI: 10.13189/ujp.2019.070201

33. Roehling P.V., Koelbel N., Rutgers C. Codependence and conduct disorder: Feminine versus masculine coping responses to abusive parenting practices. *Sex Roles*, 1996, vol. 35, no. 9-10, pp. 603–618. DOI: 10.1007/BF01548255.

Информация об авторах

Бердичевский Алексей Александрович, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Клинический центр COVID-19 ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5709-9772>, e-mail: berdichevsky.alexey@gmail.com

Падун Мария Анатольевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Гагарина Мария Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет (ФГОБУ ВО Финуниверситет); ассоциированный научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. и др.
Регуляция эмоций у лиц, находящихся
в созависимых отношениях
Клиническая и специальная психология
2021. Том 10. № 4. С. 185–204.

Berdichevsky A.A., Padun M.A., Gagarina M.A. et al.
Emotional Regulation in Individuals,
Standing in Codependent Relationship
Clinical Psychology and Special Education
2021, vol. 10, no. 4, pp. 185–204.

Архипова Марина Владимировна, клинический психолог, системный семейный психолог, Центр системно-комплексного лечения зависимостей, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0291-6023>, e-mail: marishko@list.ru

Information about the authors

Alexey A. Berdichevsky, PhD Student, COVID-19 Clinical Center, Moscow State University of Medicine and Dentistry n.a. Evdokimov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5709-9772>, e-mail: berdichevsky.alexey@gmail.com

Maria A. Padun, PhD in Psychology, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Maria A. Gagarina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University; Associate Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Marina V. Arkhipova, Clinical Psychologist, Systemic Family Psychologist, Center for System-Integrated Treatment of Addictions, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0291-6023>, e-mail: marishko@list.ru

Получена: 04.03.2021

Received: 04.03.2021

Принята в печать: 10.12.2021

Accepted: 10.12.2021